
В. П. Алексеев

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО ЭНГЕЛЬСА
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА**

Произведения Энгельса, в которых ставились проблемы антропологии, первобытной археологии, этногенеза содержат огромное богатство мыслей, продуманную концепцию антропогенеза, четкие формулировки о соотношении биологических и социальных закономерностей в человеческом обществе и, наконец, непосредственные примеры использования антропологических данных в качестве исторического источника. Поэтому их изучение под углом зрения достижений и перспектив современной науки остается весьма актуальным и продолжает обогащать теорию антропологии, помогая найти подход ко многим ключевым и дискуссионным проблемам сегодняшнего дня.

**Соотношение биологического
и социального в эволюции
человека**

В одном из разделов первого тома «Немецкой идеологии», который носит название «Фейербах», рассматривается последовательное развитие разных социальных институтов и вскрываются управляющие ими закономерности. Характерным для историко-материалистического подхода Маркса и Энгельса был охват любого явления во всей его целостности, начиная с истоков его возникновения и кончая его разложением. «Немецкая идеология» не составляет исключения. Авторы начинают с начального периода человеческой истории — с самого факта выделения людей из животного мира. Они пишут: «Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе»¹.

Мысль эта не случайна. В первом томе «Капитала» Маркс повторил и углубил ее: «Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т. п., и к окружающей человека природе»². Таким образом, и Маркс и Энгельс придавали важное значение чисто биологическим свойствам человеческих существ и признавали большую роль этих свойств в их общественной жизни и их истории.

Еще более знаменателен в этой связи отрывок из главы «Фейербах», непосредственно следующий за уже цитированной мыслью о телесной природе человека: «Мы здесь не можем, разумеется, углубляться ни в изучение физических свойств самих людей, ни в изучение природных условий — геологических, оро-гидрографических, климатических и иных отношений, которые они застают. Но эти отношения обуславливают не

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19.

² Там же, т. 23, стр. 521.

только первоначальную, естественно возникшую телесную организацию людей, в особенности расовые различия между ними, но и все ее дальнейшее развитие — или отсутствие развития — по сей день. Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории»³. В приведенном выше отрывке подчеркивается не только значение биологической природы человека для его истории, но и исключительная роль географических факторов в широком смысле слова для исторического развития человечества. Сходная мысль выражена Марксом в пометке на полях к этой главе «Немецкой идеологии»: «Люди имеют историю потому, что они должны производить свою жизнь, и притом определенным образом. Это обусловлено их физической организацией, так же как и их сознание»⁴.

Все приведенные высказывания сохраняют свою силу и актуальность до настоящего времени, так как они непосредственно затрагивают проблему соотношения биологических и социальных закономерностей в истории общества, глубоко волнующую на протяжении десятилетий специалистов самых разнообразных областей знания, проблему, стоящую, можно сказать, в центре антропологической науки и сейчас остро дискуссионную. Частным аспектом этой проблемы является вопрос об удельном весе естественного отбора в обществе современного человека.

В зарубежной науке проблема эта решалась до недавнего времени более или менее однозначно, а само решение отражало ограниченно биологический подход к человеческому обществу. Бесспорный вывод о человеке как животном, индивидууме, как биологическом существе, неправомерно экстраполировался на совокупность человеческих индивидуумов, т. е. общество, где уже действовали общественные закономерности. Отсюда вытекало преувеличение роли отбора, который якобы не подвергался никаким ограничениям в человеческом обществе⁵. Преувеличение роли отбора приводило к возникновению теории об интенсивной перестройке человеческого вида и изменении его природы в ближайшем будущем⁶.

Такой, на первый взгляд, последовательно биологический, а на деле вульгаризаторский подход к человеческому обществу не мог быть принят советской наукой и встретил возражения уже на рубеже 20—30-х годов. В этот период еще только публиковалось и впервые комментировалось рукописное наследие Маркса и Энгельса и началась перестройка теоретических основ советской антропологии в свете материалистической диалектики. Советские антропологи указали на огромное число чисто общественных факторов, действующих в человеческом обществе, которые снимают совсем или ослабляют действие естественного отбора. Отбор в человеческих коллективах социально опосредствован. Это была бесспорно прогрессивная тенденция в разработке проблем теоретической антропологии, опиравшаяся на основные положения теории диалектического материализма. В первую очередь, к конкретному антропологическому материалу применялись идеи, изложенные в неоконченной работе Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

Подавляющее большинство советских специалистов придерживалось до последнего времени того взгляда, что естественный отбор был в зна-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19. Вторая фраза приведенной цитаты в рукописи Энгельса перечеркнута.

⁴ Там же, стр. 29.

⁵ См., например: T. Dobzhansky, The present evolution of man, «Scientific American», 1960, September; его же, Mankind evolving. «The evolution of the species», New Haven — London, 1962.

⁶ Такие взгляды широко распространены среди польских исследователей: A. Więciński, Zagadnienie tempa ewolucji cech kraniometrycznych u Hominidae, «Kosmos» (seria A), rok V, 1956, str. 4; Н. Волянский, Некоторые проблемы механизма и факторов эволюции человека, «Вопросы антропологии», 1957, № 6; его же, Przebieg i ewolucji człowieka, «Kosmos» (seria A), rok VI, 1957, str. 4.

чительной степени снят в ходе процесса формирования современного человека. Если он и сохраняется в современном обществе, то в ослабленном виде и потерял свою формообразующую роль. Наиболее веским аргументом в пользу именно такой точки зрения на роль отбора в современном обществе служит относительная стабильность вида *Homo sapiens* при исключительном прогрессе в технике от верхнего палеолита до современности⁷. Но наряду с этим прогрессивная тенденция как можно полнее и глубже выявить общественную природу человека привела некоторых философов к нигилистическому отрицанию какой-либо роли отбора у современного человека вообще, к полному отказу от анализа биологических закономерностей в истории человеческого общества и замене их общественными⁸. Как можно убедиться из приведенных отрывков, такой подход прямо противоречит мыслям Энгельса и Маркса, и не может быть принят как марксистская точка зрения на проблему соотношения социального и биологического в человеческом обществе.

Этот взгляд полностью противоречит и современному состоянию накопленных антропологией эмпирических наблюдений. Открыта и довольно строго доказана связь носительства групп крови системы АВО с склонностью к определенным заболеваниям, в частности инфекционным⁹, подтверждено многими наблюдениями приспособительное значение аномальных гемоглобинов и в первую очередь гемоглобина S¹⁰. Много данных и соображений говорит в пользу того, чтобы рассматривать под углом зрения действия селекционных причин многообразие по всем системам сбалансированного полиморфизма, т. е. по физиологическим признакам, представленным в современном человечестве в определенном соотношении разных вариантов¹¹. Изменения под влиянием отбора по всем этим признакам идут довольно интенсивно, проявляют себя на протяжении нескольких поколений, сдвигают характеристики признаков в популяциях в определенном направлении, и поэтому истолковывать их иначе, чем свидетельство формообразования, как будто нет ни фактических, ни логических оснований. Следовательно, естественный отбор как биологическая закономерность не только сохраняется известное значение в современном обществе, но и играет в определенных пределах формообразующую роль.

Однако удельный вес отбора в человеческом обществе по сравнению с сообществами животных изменяется принципиальным образом за счет исключительного разнообразия географической и социальной среды человека. Замечательный теоретик эволюции И. И. Шмальгаузен разработал теорию так называемого стабилизирующего отбора как основной формы, которую отбор принимает в животном мире¹². Стабилизирующий

⁷ Впервые, насколько мне известно, на это указал Я. Я. Рогинский; см. Я. Я. Рогинский, Выступление на совещании, посвященном проблеме происхождения *Homo sapiens*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. IX, 1950. Более полно эта проблема рассмотрена в книге: Я. Я. Рогинский, Проблемы антропогенеза, М., 1969.

⁸ См. об этом: В. А. Алексеев, Некоторые проблемы теории антропогенеза, «Вопросы философии», 1959, № 11.

⁹ Один из последних обзоров: F. Vogel, Anthropological implication of the relationship between ABO blood groups and infections, «Proceedings of VIII International congress of anthropological and ethnological sciences», vol. I, Tokyo, 1968.

¹⁰ См., например: В. П. Эфроимсон, Управляющие механизмы возникновения антител в свете данных генетики иммунитета и биохимии аномальных гемоглобинов человека, «Проблемы кибернетики», вып. 6, М., 1961.

¹¹ Обзор данных и гипотез: В. П. Эфроимсон, Введение в медицинскую генетику, М., 1968.

¹² Первый набросок теории см.: И. И. Шмальгаузен, Стабилизирующий отбор — его место среди факторов эволюции, «Журнал общей биологии», т. II, 1941, № 3. Полное изложение см. в книге: И. И. Шмальгаузен, Факторы эволюции (теория стабилизирующего отбора), М.—Л., 1946. Второе издание этой книги (М., 1968) сопровождается обстоятельной статьей Р. Л. Берг, рассматривающей место теории стабилизирующего отбора в современных воззрениях на органическую эволюцию.

отбор фиксирует в качестве итога своего действия комплекс приспособлений к определенной экологической нише или при достаточно большом ареале вида — к определенному диапазону внешних условий. Человечество не занимает определенной экологической ниши, ему принадлежит вся Земля, разнообразие географических условий его жизни усложняется еще разнообразием социальных условий общественной жизни разных человеческих коллективов. Поэтому в человеческом обществе отбор выступает в рассеивающей форме, вызывая одновременно изменения в самых разнообразных направлениях. Оставаясь и у человека формообразующей силой, как и в животном мире, отбор не ведет, следовательно, к направленному изменению вида в целом. Микроэволюция, как сейчас принято называть эволюционные преобразования в пределах вида, не переходит в макроэволюцию, т. е. в эволюционные изменения надвидового уровня.

Современное состояние проблемы отбора в человеческом обществе подтверждает прозорливость высказываний Маркса и Энгельса о соотношении биологического и социального у человека, о роли биологической организации людей в их истории. Более того, эти высказывания и сейчас дают возможность занять правильные теоретические позиции в этом важнейшем вопросе и критически отнестись к тем концепциям, в которых полностью отрицается главнейшая из биологических закономерностей — отбор в человеческом обществе.

Трудовая теория антропогенеза

Трудовая теория антропогенеза обстоятельно изложена Энгельсом в специальной работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». К сожалению, и эта работа, вполне законченная и по содержанию, и по оформлению, не была напечатана при его жизни и увидела свет лишь посмертно. Но после публикации данная работа неоднократно привлекала внимание антропологов. Она оказала огромное влияние на разработку теоретических проблем антропологической науки, в первую очередь, в области антропогенеза¹³. В своей статье я остановлюсь лишь на некоторых принципиальных моментах этой широко известной теории.

Энгельс наметил определенную последовательность в развитии существенных органов человеческого тела, исправивших наибольшую роль в выделении человека из животного мира и его эволюции. Следует специально подчеркнуть, что эта последовательность была намечена теоретически, так как в 1876 г., когда была написана работа Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», не было известно почти никаких ископаемых находок, которые помогли бы реконструировать процесс антропогенеза. Однако сила теоретического анализа в данном случае оказалась достаточной, чтобы получить картину, как показали позже палеоантропологические открытия, вполне адекватную действительности.

Энгельс, имея в виду формирование прямой походки или, как сейчас в специальной литературе принято говорить, ортоградности, т. е. передвижения в выпрямленном положении, пишет о том, что «этим был сделан *решающий шаг* для перехода от обезьяны к человеку»¹⁴. Выделение основной мысли этой фразы курсивом подчеркивает исключительное значение, которое Энгельс придавал прямохождению как первому и главному шагу на пути к очеловечению. Дальше он пишет о том, что при прямой походке рука освободилась для трудовых операций, и именно с этого момента началась ее бурная эволюция на пути все более совершенного приспособления к трудовым операциям, на пути формиро-

¹³ См., например: В. В. Гинзбург, Энгельс и антропология, «Природа», 1946, № 4.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 486.

вания все более совершенного органа труда. Энгельс тщательным образом прослеживает эту эволюцию. При этом он опирается не на неизвестный в то время палеоантропологический, а на сравнительно-анатомический материал. Только после выработки прямохождения и образования подвижной и способной к трудовым операциям, подлинно человеческой руки, по мысли Энгельса, «...мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству»¹⁵. Таким образом, три перечисленные фундаментальные характеристики физического типа человека, отличающие его в первую очередь от животных, образовались не одновременно, а одна за другой. Это одна из основных сквозных идей, проходящих через всю рассматриваемую работу Энгельса.

Названные признаки получили в последние годы в антропологии наименование гоминоидной или гоминидной триады. Последнее наименование лучше, так как речь идет именно о человеческих, а не о человекоподобных морфологических свойствах. Находки костных остатков ископаемых людей на разных материках Старого Света и, в первую очередь, в Африке продемонстрировали конкретные пути и темпы формирования гоминидной триады, а самое главное — выявили ту же последовательность в появлении и развитии признаков гоминидной триады, которая была намечена Энгельсом. Не имея возможности остановиться на всем круге относящихся сюда вопросов, укажу основные¹⁶. У ранних представителей семейства гоминид — австралопитеков, куда, очевидно, следует относить и презинджантропа, прямохождение было вполне отчетливым, но пропорции кисти заметно отличались от современных, в частности, был мало развит первый луч. Укороченность первого луча несомненно снижала силу захвата и препятствовала полноценному использованию руки как органа труда. Кисть архантропов — питекантропов и синантропов — представлена жалкими фрагментами, но стабильная форма нижнепалеолитических орудий сама по себе свидетельствует об усовершенствовании кисти. Наконец, мозг достигает размеров, характерных для современного человека, на стадии неандертальца, а вполне современную структуру приобретает еще позже, на стадии перехода от неандертальца к человеку современного вида.

Таким образом, современные палеоантропологические данные находятся в полном согласии с трудовой теорией антропогенеза, с намеченной Энгельсом периодизацией появления и формирования в антропогенезе специфически человеческих черт. Но эвристическая сила трудовой теории антропогенеза не только в этом. Как и в проблеме соотношения биологического и социального у человека, концепция Энгельса не только объясняет эмпирические факты, не только безболезненно включает в себя результаты новых исследований, но и указывает путь дальнейших теоретических поисков, устанавливает критерии для оценки тех или иных теоретических взглядов, помогает отделить перспективные гипотезы от теоретически бесплодных или сомнительных. Энгельс убедительно обосновал тезис о том, что становление истинно человеческой сущности, формирование человека разумного происходило под постоянным решающим воздействием труда, но происходило медленно и постепенно, заняло громадный отрезок времени. Этот период, теперь реконструируемый на основании ископаемых находок, равен почти 2 000 000 лет. С этой точки зрения малоперспективными для дальнейшей разработки выглядят распространенные раньше в нашей литературе гипотезы как возникновения всей совокупности человеческих свойств с ниж-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 490.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Е. Н. Хрисанова, О неравномерности морфологической эволюции гоминид, «Вопросы антропологии», вып. 26, 1967.

него палеолита, так и доведения животногообразного состояния вплоть до появления современного человека.

Касаясь вопроса о формах поведения обезьян, давших начало той ветви, которая ведет к человеку, Энгельс писал: «Наши обезьяноподобные предки, как уже сказано, были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков»¹⁷. Аналогичная мысль в еще более отчетливой форме выражена в известном письме Энгельса к П. Л. Лаврову от 12—17 ноября 1875 г.: «Но, с другой стороны, я не могу согласиться с вами, что «борьба всех против всех» была первой фазой человеческого развития. По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны. Первые люди, вероятно, жили стадами, и насколько наш взгляд может проникнуть в глубь веков, мы находим, что так это и было»¹⁸. Огромное количество наблюдений над жизнью обезьян, как в зоопарках и специальных питомниках, так и на воле, подтвердило эту точку зрения. Исключений нет, а следовательно, нет и оснований для сомнений в общественной природе вымерших исходных форм, давших начало семейству гоминид. Косвенно подтверждает это и гипотетически реконструируемый образ жизни австралопитеков¹⁹.

Несмотря на обилие наблюдений над стадной жизнью современных приматов, в нашем распоряжении нет пока надежного критерия для экстраполяции полученных данных на ископаемые формы, как нет и непосредственных материалов, которые позволили бы реконструировать образ жизни этих ископаемых форм, давших начало гоминидам. Поэтому пока не существует однозначного их истолкования. В качестве исходной формы стадных взаимоотношений, послужившей основой для возникновения первобытного стада и затем родовой организации, фигурируют стада с доминированием самцов и так называемой гаремной семьей или стада без доминирования мужского пола²⁰. Однако при любой реконструкции следует учитывать приведенные фундаментальные указания Энгельса об общественном характере жизни даже у самых ранних предшественников человека.

Проблема происхождения мышления и языка в целом далеко выходит за рамки антропологической тематики, но конкретная информация о первых этапах их развития, получаемая в результате изучения костных остатков ископаемых людей, дает возможность на данном этапе хотя бы гипотетически реконструировать основные стадии формирования подлинно человеческой речи и сознания. Антропологи не раз предпринимали попытки в этом направлении²¹. Кардинально важным в связи с подобной реконструкцией является впервые разработанное в «Немецкой идеологии» и затем развернутое в ряде других трудов Маркса и Энгельса, особенно в «Роли труда в процессе превращения обезьяны в человека», представление о возникновении мышления и речи, как следствии общественной организации древнейших человеческих коллективов, следствии самого факта коллективной жизни ископаемых гоми-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 488-489.

¹⁸ Там же, т. 34, стр. 138.

¹⁹ См., например: Ю. Г. Решетов, Природа Земли и происхождение человека, М., 1966.

²⁰ См., например: Ю. И. Семенов, Возникновение человеческого общества, Красноярск, 1962, 2-е изд. вышло в 1966 г. под названием «Как возникло человечество»; W. D e n h a m, Non-human primate behaviour: a note on recent research, «American anthropologist», vol. 72, 1970, № 2.

²¹ См., например: В. В. Бунак, Происхождение речи по данным антропологии, «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XVI, М., 1951; е г о ж е, Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе, «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 92, М., 1966.

вид. Отсюда легко сделать вывод о том, что преобразование мозга, усложнение мышления и усовершенствование речи непосредственно связаны с развитием социальных форм жизни на протяжении всей истории первобытного общества, а, строго говоря, — и на протяжении всей истории человечества. Между тем это теоретическое положение Маркса и Энгельса пока слабо реализуется при разработке эмпирических данных и конкретном сопоставлении стадий развития общественной организации и всех социальных форм жизни, с одной стороны, и этапов развития мышления и языка — с другой. Можно назвать лишь отдельные и очень общие попытки²².

Одним из частных выводов из трудовой теории антропогенеза является вывод об исключительной роли огня и употребления мясной пищи. Обработка мяса с помощью огня увеличивала усвояемость пищи и тем самым влияла на изменение обмена веществ в человеческом организме. Соответствующие разделы работы Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» неоднократно истолковывались, особенно при господстве догматизма в биологии, как свидетельство того, что Энгельс разделял ламарковский принцип непосредственного влияния среды на организм. Такой упрощенной трактовке противостоят высказывания Энгельса в книге «Анти-Дюринг», где он, подчеркивая бессмертные заслуги Ламарка перед биологией, пишет в то же время, что колоссальное накопление нового фактического материала вполне закономерно вызывает отход от его устаревших взглядов²³.

Химизм пищи и химизм среды жизни в целом бесспорно влияют на химию организма человека, но влияние это осуществляется и осуществляется в той мере, в какой это можно проследить, через отбор²⁴. Для периода становления человека это тем более вероятно. Поэтому попытка установления прямой связи молекулярных наследственных структур (ДНК и РНК) с изменением химизма организма вследствие введения мясной пищи кажется мне преждевременной²⁵. На повестке дня — задача проследить, как менялась биохимия человеческого организма в процессе эволюции в приспособлении к химической динамике среды жизни посредством отбора.

Таким образом, трудовая теория антропогенеза и сейчас служит стимулом поиска новых путей исследования и чрезвычайно перспективных теоретических и экспериментальных разработок. В. В. Гинзбург в упомянутой выше статье совершенно правильно отметил, что если Дарвину (следует, конечно, добавить и его последователей — Г. Гексли и К. Фогта) принадлежит честь доказательства животного происхождения человека, то Энгельс с непревзойденной глубиной разработал проблему его становления.

²² В. И. Кочеткова, Эволюция мозга в связи с прогрессом материальной культуры, сб. «У истоков человечества», М., 1964; е е ж е, Основные этапы эволюции мозга и материальной культуры древних людей, «Вопросы антропологии», вып. 26, 1967. Теоретическое указание на зависимость усложнения конструктивных форм языка от развития техники см.: В. И. Абаев, Язык как идеология и язык как техника, «Язык и мышление», т. II, Л., 1934.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 74.

²⁴ Постановку вопроса в теоретическом плане см.: В. П. Алексеев, Антропологические аспекты влияния биосферы на человека, сб. «Влияние биосферы на человека», М., 1971.

²⁵ И. И. Гохман, Проблемы антропогенеза в трудах классиков марксизма и современная антропология, «Тезисы докладов годичной научной сессии Ленинградского отделения Ин-та этнографии АН СССР», май 1968 г., Л., 1968.

Использование антропологического материала как исторического источника

Творчески разрабатывая кардинальные философские проблемы науки, создав вместе с Марксом грандиозную философскую концепцию диалектического и исторического материализма, охватывающую законы природы и общества, Энгельс внес огромный вклад и в теорию антропологии, четко очертив и сформулировав границы биологического и социального в человеческом обществе, создав трудовую теорию антропогенеза. Но значительный интерес проявлял он и к более частным проблемам антропологической науки. Энгельс исчерпывающим образом использовал накопленные специалистами данные в сопоставлении с историко-этнологическими материалами для восстановления древнейшего прошлого народов и их генетических связей.

Свидетельством этого интереса к антропологической литературе являются две работы Энгельса, посвященные древней истории европейских народов — «Древняя Ирландия» и «К истории древних германцев». В начале первой из них Энгельс дает характеристику источников, доступных в его время и пригодных для реконструкции древнего прошлого ирландского народа. Среди прочих данных упоминаются им и антропологические. Используя средневековые хроники, Энгельс тщательно выбрал из них свидетельства о светловолосости кельтского населения Ирландии уже в эпоху средневековья. Он учел также сообщенные и интерпретированные Гексли сведения о темнопигментированном элементе в составе ирландцев, которые были обнародованы в публичной лекции, состоявшейся в Манчестере 9 января 1880 г. Гексли толкует этот элемент как реликтовый остаток какой-то баскской примеси, и Энгельс присоединяется к нему.

Знаменателен вывод, который заключает изложение антропологических данных в работе «Древняя Ирландия»: «Однако к тому времени, когда о появлении ирландцев в истории можно говорить с определенностью, они уже стали однородным, говорящим на кельтском языке народом, и мы с тех пор нигде больше не находим чужеземных элементов, за исключением захваченных на войне или купленных рабов, по большей части англосаксов»²⁶. Примечательность этого вывода состоит в том, что Энгельс интуитивно, имея в своем распоряжении лишь отрывочные сведения о вариациях физического типа ирландского народа, предвосхитил представление об антропологическом единстве ирландцев. Современная антропологическая съемка территории Ирландии, результаты которой были опубликованы уже в середине нашего столетия, выявила и документально подтвердила это единство²⁷, а заслоно показала, что взаимодействие субстрата и суперстрата в сложении ирландского народа было процессом активным и длительным. Именно это и имело своим следствием антропологическую гомогенность.

На первых страницах работы «К истории древних германцев» Энгельс, реконструируя историко-этнологическую ситуацию в Центральной Европе перед появлением германских племен, уделяет большое внимание археологии и палеоантропологии, так как именно эти науки при отсутствии письменных источников давали ему необходимую информацию. Методологическое и методическое значение этой работы Энгельса для изучения древней истории Европы показано недавно в специальной статье²⁸. Содержащийся в ней тезис о том, что Энгельс выступает в ра-

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 511.

²⁷ A. Hooton, C. Dupertius, *The physical anthropology of Ireland*, «Papers of the Peabody museum of archaeology and ethnology», vol. XXX, Cambridge, Massachusetts, 1955.

²⁸ Л. С. Клейн. Фридрих Энгельс как исследователь раннегерманского общества, «Сов. этнография», 1970, № 5.

боте о германцах как квалифицированный специалист в области первобытной истории Европы, можно подтвердить и наблюдениями над способами использования им антропологических данных о древнейшем догерманском европейском населении.

Отказавшись от определенных высказываний по поводу физического облика нижнепалеолитического населения Европы ввиду фрагментарности находок, Энгельс при рассмотрении верхнепалеолитических людей опирается уже на более определенный и более многочисленный материал. К 1881—1882 гг., когда была написана работа «К истории древних германцев», в Европе уже было открыто несколько скелетов верхнепалеолитического населения. Некоторые северные элементы этой культуры сближались с эскимосской. В полном соответствии с уровнем науки своего времени Энгельс считал, что эти элементы появились в Центральной Европе с северо-востока. Изменение климата Европы на протяжении четвертичного периода, смена теплого климата более холодным при переходе от нижнего палеолита к верхнему были продемонстрированы уже в нашем столетии²⁹.

Переходя к населению эпохи неолита и бронзы, Энгельс широко использует результаты палеоантропологических исследований Р. Вирхова и Г. Шафхаузена. Энгельс сделал попытку определить этническую принадлежность неолитического населения; он высказывает предположение, что современным реликтом этого населения являются баски, и что, следовательно, оно говорило на доиндоевропейских языках. Вывод этот нашел полное подтверждение в современной науке. Многочисленные исследования подтвердили факт сравнительно позднего проникновения индоевропейцев на европейский материк³⁰. Что касается известного морфологического своеобразия ряда находок по Рейну, то Энгельс сочувственно цитирует мнение Г. Шафхаузена о восточном происхождении представленного этими находками населения. И этот вывод подтверждается современными данными: результаты проведенных уже в последние десятилетия исследований как палеоантропологии, так и ныне живущего населения Центральной Европы показали несомненное наличие элементов восточного происхождения, которые вполне обоснованно истолковываются как свидетельство древней монголоидной примеси³¹.

Оценивая генетическую связь населения эпохи неолита и бронзы с современным, Энгельс подчеркивает ту большую роль, которую сыграло древнее население в сложении современного, несмотря на проникновение на данную территорию племен кельтского и германского происхождения. Он пишет: «Кельтское переселение лишь частично вытеснило оказавшихся на его пути обитателей страны; особенно в Южной и Западной Галлии последние и тогда еще составляли большую часть населения, хотя и на положении угнетенной расы, и передали по наследству современному населению строение своего тела»³². Таким образом, в данном случае, как и по отношению к происхождению ирландцев, подчеркнута неравномерность процесса этногенеза, отсутствие параллелизма в расогенетических и языковых процессах, сохранение субстратных явлений в физическом типе уже после установления господства германских языков.

Итак, Энгельс широко и всесторонне использовал антропологические данные, когда они могли помочь ему реконструировать события далекого исторического прошлого, относящиеся к эпохе бесписьменной истории

²⁹ Историю представлений о климате четвертичного периода, изложенную с разных позиций, см.: И. Г. Пидопличко, О ледниковом периоде, вып. 1, Киев, 1946; Р. Флинт, Ледники и палеогеография плейстоцена, М., 1963.

³⁰ Обзор данных о субстратных явлениях в индоевропейских языках см.: В. Ф. Шишмарев, Очерки по истории языков Испании, М.—Л., 1941; В. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958.

³¹ Н. Н. Чебоксаров, Монголоидные элементы в населении Центральной Европы, сб. «Материалы по антропологии Восточной Европы», «Уч. записки МГУ», вып. 63, 1941.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 445, 446.

человечества. Применяя антропологические материалы в этногенетических целях, он отметил ряд важных моментов, имеющих принципиальное значение. Самый факт возможности этногенетического истолкования палеоантропологических материалов был новостью во второй половине прошлого века. Энгельс реконструировал с их помощью субстратные реликтовые явления в антропологическом составе современных народов, показал несовпадение линий генетических связей, восстанавливаемых лингвистическими исследованиями и при изучении расовой принадлежности, что является следствием несовпадения расы и языка. Поэтому этногенетические исследования Энгельса имеют огромный теоретический интерес и в этой специальной области исторической антропологии.

* * *

Резюмируя все изложенное, мы можем сказать, что не только «Диалектика природы» и, в первую очередь, фрагмент ее «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», неоднократно привлекавшие внимание антропологов, но и «Немецкая идеология», написанная Энгельсом совместно с Марксом, а также этногенетические труды Энгельса содержат множество идей, представляющих значительную ценность для разработки методологических основ антропологической науки. Вклад Энгельса в построение теории антропологии не исчерпывается бесспорной и общепризнанной заслугой создания трудовой теории антропогенеза, но состоит также в установлении контуров и взаимных границ биологических и социальных законов в истории общества и разработке путей использования результатов антропологических исследований в качестве источника этногенетической и в более широком смысле слова исторической информации.

THE THEORETICAL HERITAGE OF F. ENGELS AND ANTHROPOLOGICAL SCIENCE

The author points out those works by Engels which contain ideas relating mainly to three problems of anthropological science: 1) the correlation of biological and social laws in the history of mankind; 2) the role of labour in the process of anthropogenesis; 3) the implementation of anthropological data in solving ethnogenetic problems. A comparison of these works with the modern level of science reveals the perspicacity of many of Engels' ideas concerning anthropology and the perspective possibilities of working out anthropological problems in the light of these ideas.
